

Екатерина РУДИК

МИЛОСЕРДИЕ У ПОСЛЕДНЕГО ПРИЮТА

**Книга белая.
Молюсь за тех и за других**

В этом доме 18 «г» по ул. Политехнической Мария Величко с сыновьями прожила 30 лет. Судьба ее как зигзаг неудачи, и чертила этот мрачный знак Мария собственными руками, ибо всеми художествами повелевала бутылка.

Соседи, между прочим, помнят, что при муже-трезвеннике она жила в достатке. Но когда тепло и свет в домашнем очаге силой любви и заботы не поддерживается, происходит неизбежное – он гаснет. А здесь и того хуже, не пожелаешь и врагу – муж ушел из дому и пропал без вести. Старший сын, по показаниям врачей-психиатров, инвалид I группы, которого старая мать, будучи в любом состоянии, кормила с ложечки. Младший, 35-тилетний Владимир - алкоголик. И как следствие, в дом уже давно вползла нищета.

Полная деградация семьи, в которой вроде виновато не государство, а сам человек, опустившийся по собственной воле на дно. Стоит ли пристально вглядываться в судьбы этих заблудших неудачников, балласта общества? Однако оба сына Величко учились в техникумах, в доме водились книги, скандалов не бывает, отношение к соседям почтительное. Когда жильцы их подъезда решили сделать ремонт на лестничных площадках, Мария вместе со всеми белила, красила. Всем подъездом устанавливали железную входную дверь, – и здесь не осталась в стороне.

Первой о смерти 75-тилетней Величко узнала старшая подъезда - этот статус неофициально, но по общей воле жильцов и давно обрела пенсионерка, добрейшей души человек М.В.Глухова. На долю М.В.Глуховой выпало испытаний с избытком – гибель семилетнего сына Ванюшки, смерть брата, мужа. И оставшись на старости лет одинокой, а таких в подъезде большинство, она познала цену людской поддержки на крутых изломах жизни.

Когда муниципальный катафалк увез тело Величко, завернутое в лохмотья, пенсионерки - бывшие врачи, геологи потеряли покой, сменяя друг друга, неотлучно дежурили у дверей покойницы: в наглухо закрытой квартире оставался тяжелобольной старший сын усопшей. А младший молча пропивал остатки материнской пенсии (получили за три дня до смерти). Лишь с помощью милиции удалось проникнуть в квартиру.

- Юрий, инвалид, не кормленный дней пять, еще был жив. На носилках его унесли в «скорую». В квартире голо и пусто, если и была церковная мышь, то сбежала, - рассказывает М.В. Глухова. – Тогда организовали собрание жильцов. За пять минут – все на клетке, такой у нас

порядок. Повестка собрания: будем предавать земле Марию как невостребованную (у сына ни копейки и душа пропита) или похороним по-человечески?

Различие в погребении весьма существенное. Невостребованные – это неимущие, одинокие или те, от кого отказались родственники. Их так и называют – «отказники». Хотя церковь утверждает, что если душа отлетела, то тело – «опустевший дом», но он тоже требует последнего ухода. Хоронят безродных неприбранными, неомытыми, в тех грязных лохмотьях, в каких застала смерть. Заворачивают в целлофановый мешок, предоставляют гроб и даже стандартный крохотный обелиск над могилкой, а раньше ставили колышек – все это входит в гарантированный перечень услуг по погребению невостребованных. И отвозят на погост партиями. На городском кладбище для них нет места. Погружают в кузов машины, где помещается, если плотно, 18 гробов в два этажа (чтобы лишние километры не наматывать из-за одной или двух персон) и везут в с. Анастасьевку. Там уже давно прописалось специализированное кладбище для подобной категории покойников.

На собрании у жильцов подъезда второго мнения не было, хороним по-людски. Здесь же принесли одежду, для покойницы выбрали лучшее, и с узлом направились в морг. Сотрудников его, в связи со спецификой работы, уже трудно удивить. Но когда бедненько одетые пожилые женщины назвали соседями усопшей М.Величко, уже приобщенной к невостребованным, всегдашнюю невозмутимость медрегистраторы утратили, проявив живой интерес к нуждам посетительниц. Однако расценки на ритуальные услуги остаются для всех одинаковыми.

- Считали упорно – омовение, одевание, венки. Насчитали 480 рублей. Собрали эту сумму в тот же день. А так как в нашем подъезде одна беднота живет, - поясняет Мария Владимировна. – Пришлось собирать со всего дома. Предупредила: какие реплики нехорошие услышите, уходите, не просите. Все, что смогли для Марии сделали: крестик на грудь, на ленточке венка написали: «Дорогой Марии от соседей и сына», а куда его денешь, Володьку. Две гвоздички живые купили. А за гирлянду уже с нечего было платить. Но похоронили ее, как достоин того и малый человек, – чистенькую, благостную, и могилка у дороги. Пойдем на кладбище навестить, обиходить могилы своих родных и к Марии зайдем.

В наши дни судьба и бесславная кончина Марии Величко, матери сыновей, оказавшейся безродной, как ни больно утверждать – явление довольно типичное. А вот тот факт, что чужие люди, взяв на себя обязанности родных – исключение. В мутной реке жизни, в которую нынче ввергнуты низшие слои общества, появляются спасительные островки, освещенные добротой, сердечностью таких же бедняков. И протянутой руке помощи тому, кому еще хуже, нет цены. Однако на всех рук, добрых движений души не хватит. Судите сами. С 1995 по 2000 годы в Хабаровский морг поступило 4677 невостребованных и неопознанных (их тоже никто, кроме милиции, не ищет). Это почти 20 процентов умерших в краевом центре. А между тем у медрегистраторов Хабаровского морга скопились дюжины заявлений «отказников» - детей усопших, жен, мужей, смысл которых один: «Хороните, как хотите. На погребение средств нет».

Только за три месяца нынешнего года 135 покойников были отправлены на погост в Анастасьевку, так и не дождавшись ни близких, ни знакомых. Это почти в два раза больше, чем на тот же период прошлого года.

Человек не должен умирать один, ведь подобная, горестная динамика безусловно свидетельствует об ухудшении и без того скверного здоровья общества: каждый пятый хабаровчанин из ушедших в иное невозвратное пространство был кричаще одинок, нищ, лишен душевного последнего пристанища. Можно лишь абстрактно, напрягая воображение, представить себе, как опустошенно жили эти люди, в каких нечеловеческих условиях завершали пребывание на нашей земле. Их уход «в ту страну, где тишь и благодать» без тени родного существа, не будет заселен ни в чьей памяти.

(2001 г.)